

**Яхнин Е.Д.,
Москва, Россия**

Николай Николаевич Семенов, Нобелевский лауреат, академик

В тот год Москва река разлилась. У поселка Луцино, что под Звенигородом, вода поднялась метров на 5, может и больше. Когда вода спала, можно было пройти по берегу. Небольшая компания взрослых и детей шла по узкой полоске обнажившегося косогора под заросшей кривыми деревьями и кустарником пятнадцатиметровой кручей правого берега. Кое-где земля, ещё насыщенная влагой, хлюпала под ногами. Два академика Николай Николаевич Семенов и Александр Наумович Фрумкин, как всегда на прогулке, увлеченно беседовали. Дети затеяли какую-то игру и бегали вдоль растянувшейся компании, громко подраживая друг друга. Все были наполнены солнцем и пряными запахами, сотворенными отступившей водой. Моего младшего сына, Сережу, я нес на плечах, крепко держа его за ноги. Неожиданно Валя, мама Сережи заметила, что на одной ножке у нашего сына нет сандалии.

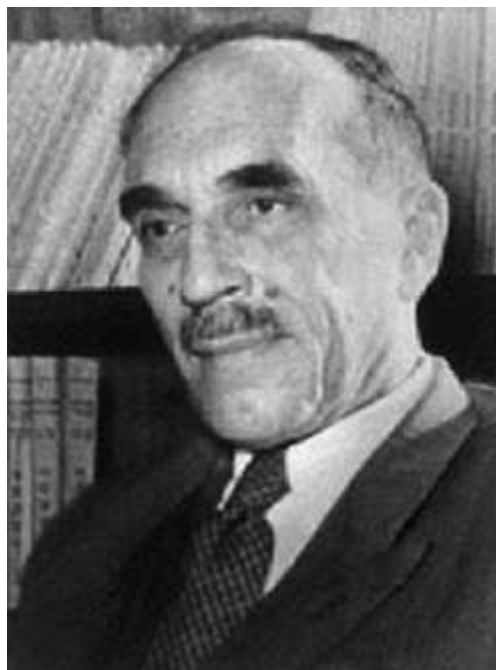
– Ты где потерял сандалику? – спросила Валя. Он помотал ножкой и сказал: – Там.

Где там? – попытались выяснить мы.

Там.

Я вернулся на несколько шагов назад.

Валя остановилась. Женщины заметили нашу заминку. Поняв в чем дело, посокрушались и решили, что, вряд ли, маленькую сандалику можно найти, прошли-то уже не меньше километра. Семенов и Фрумкин повернулись, ожидая чуть приотставшую компанию. Александр Наумович прикрыл глаза рукой, защищаясь от солнца, Николай Николаевич стал выяснять причину задержки. Узнав о потере, он тут же заявил, что надо искать. Женщины попробовали убедить его в бесполезности поисков, но он повернулся и отправился назад, внимательно оглядывая тропинки. Он приступил к поиску сандалии настолько решительно, что за ним пошли и другие. Я шел метрах в пяти правее Николая Николаевича, казалось, что надо искать ближе к косогору и хотелось самому, первым её обнаружить. Прошли метров двести и вдруг **Н.Н. Семенов**¹ слышу:

Вот она, – он победно поднял найденную сандалику, подошел и надел её на босую ножку Сережи, по-прежнему сидевшему у меня на плечах. Все

обрадовались, можно было снова идти дальше. Александр Наумович ожидал задержавшуюся компанию, отойдя в тень нависавшей над берегом березы, все ещё прикрывая рукой глаза от солнца. На обратном пути, уже повернувшись к берегу, Семенов среди прочих интересных вещей рассказал о маленькой девочке, которая складывала числа с помощью наборного диска телефонного аппарата. При этом он признался, что так и не понял, как это она делает, добавив, что считала она правильно.

Следующий эпизод я уже описал в своих воспоминаниях «Учитель». В нём Семенов предстает достойнейшим человеком. Считаю правильным рассказать об этом еще раз.

На банкете по поводу избрания известного физикохимика Я.К.Сыркина в действительные члены Академии наук СССР Семенов предложил тост в честь П. И.Зубова, человека по-своему исключительного. Родившийся в неграмотной крестьянской семье он стал доктором химических наук, профессором, ректором Московского химико-технологического института им. М.В. Ломоносова. Семенов пояснил, что, если бы не Зубов, этого банкета, а может быть, и самого Якова Кивовича Сыркина не было. Суть выступления Семенова состояла в следующем. Сыркин был профессором кафедры физической химии в этом институте. В СССР развертывалась антисемитская кампания, называвшаяся борьбой с космополитизмом. Зубова, в то время ректора института, вызвали в райком партии и предложили уволить профессора Сыркина. Выполнение указаний партии (в данном случае её очень высокой инстанции – районного комитета коммунистической партии г. Москвы) считалось обязательным. Эти указания были больше, чем приказ в армии. Неподчинение райкому грозило не только снятием с занимаемой должности, но и увольнением с невозможностью устроиться на другую работу, а в некоторых случаях и последующим арестом. Этот комментарий я делаю специально для молодых читателей, которым не суждено было познать истинного «счастья» жизни в «социалистическом» государстве.

Зубов спросил, за что он должен уволить Сыркина, и услышал: «Ну, например, студенты жалуются на то, что он опаздывает или плохо, непонятно читает лекции и потому они не хотят на них ходить».

– Когда Сыркин читает лекции, я должен заботиться не о том, чтобы они на них ходили, а о том, чтобы они не сбегали с других занятий. Аудитория на его лекциях всегда переполнена, – ответил Зубов.

– Но его надо уволить, – настаивал секретарь райкома, – Что, Вы ничего не можете придумать? Найдите что-нибудь.

– Мне его увольнять не за что! Если это так надо, пришлите мне соответствующее решение, тогда уволю, – проговорил Зубов.

Официально такого решения райком написать не мог, Зубов это отлично понимал и Сыркина не уволил.

Семенов закончил свое пояснение, провозглашая тост за Зубова, и добавил, что Сыркин со всех других должностей был к тому времени уже уволен, и ему негде было работать. Если бы Зубов уступил, Сыркин лишился бы последнего источника существования.

Жизнь испытывала людей на честность, принципиальность, справедливость по отношению к другим. Не всем удавалось это испытание выдержать. В рассказанном эпизоде Семенов и, конечно, Зубов испытание выдержали. Достойные люди остаются достойными и в малом, и в большом.

Академик

Петр Александрович Ребиндер

В семидесятилетний юбилей П.А.Ребиндер удостоился звания Героя социалистического труда – высшего отличия гражданина Советского Союза. Лаборатория, в которой я работал, подарила ему фотоаппарат «Зоркий». Подарок сопровождался стихами. Они, по мнению сотрудников, соответствовали личности Петра Александровича. Он был всеяден. Он жаждал взять от жизни всё.

Сей аппарат девизом красен,
С ним мир полнее зачерпнешь,
Придешь, увидишь, защелкнешь.
И будет много веселей
Снимать знакомых и друзей,
Снимать собак, что похвостей,
Картины, статуи богов,
И можно положить в карман
Хоть гейшу, и вообще ...charmant!

П.А. Ребиндер

Да, это был не просто человек, ученый, это был фейерверк всего, что только может содержаться в человеке. Чрезвычайно живой, походкой, жестикующий, словом, лицом и особенно глазами, он привлекал сразу. Говорил блистательно: о науке и людях, с которыми встречался, о женщинах и собаках, о почтовых марках и грибной охоте, о живописи и путешествиях; казалось, не было тем, в которые он не погружался бы со всей страстью. Единственным исключением были шахматы: «Не может ученый тратить время на это пустое занятие. Надо играть в теннис!». Был всегда первым в застольном веселье. Знал множество острых, иногда сильно солёных литературных миниатюр и любил провозглашать их в виде тостов, и делал это артистично. Был исключительно наблюдателен и остроумен, не пропускал случая пошутить.

Известный физик Блох прислал Ребиндеру статью со своим аспирантом с просьбой представить её для публикации в ДАН (журнал – Доклады Академии наук), подчеркнув, что для Ловли – его аспиранта желательно иметь эту публикацию к намечающейся защите. Ребиндер

откликнулся сразу. Он позвонил Блоху и спросил не возражает ли тот, чтобы аспирант в авторах стоял на первом месте, для аспиранта же это важно. Блох не заподозрил подвоха, согласился и попросил добавить в текст еще одну таблицу и третьего автора, Комарова. В результате статья была опубликована, под её названием стояли имена всех трех авторов: Ловля, Блох и Комаров. Как-то он, просматривая список лиц, выдвинутых на выборы в академию, воскликнул: «Посмотрите, как замечательно фамилии претендентов соответствуют их профессии и претензиям – по отделению Права выдвинуты Строгачев и Филькин»

Незабываемы его лекции студентам. Содержательность и отвлечения. Одним нравилось одно, другим другое, но запоминалось крепко всё. «Нормально, когда научное открытие связывают с именем ученого, но смешно когда имя ученого присваивается любой ерунде, как это любят делать медики, – с пафосом произносил Ребиндер и продолжал – “Кружка Эсмарха”. Вы знаете, что это такое?» В аудитории смех. Оказывается некоторые студенты знают, что это клизма.

Он с удовольствием помогал всем, кто к нему обращался, но с особым удовольствием помогал красивым женщинам, ценил и уважал красоту. О женских прелестях с удовольствием и оригинально высказывался: «Туфли «лодочки» вам идут гораздо больше. А вы знаете, почему женщинам пристало носить лодочки? Во-первых, каблук делает женщину выше, во-вторых, нога в ступне становится меньше и, в-третьих, самое важное, ноги становятся длиннее.» Однажды он определил ко мне лаборантом юную Люду Арбат, которая мечтала стать не химиком, а совсем наоборот и с удовольствием, чуть подобрав юбку, говорила: «Хороша ножка, а?» Её день рождения в лаборатории отметили стихами:

Не взорвался бы дюар,
Не начался бы пожар,
А еще словеса –
Упаси небеса!
Люда – смех, смех, смех.
Люда – грех, грех, грех.
Кому смех, кому грех,
Кому ух, кому эх!

Вскоре она вышла замуж за молодого дипломата и уехала в Китай.

Вспоминаю, как отмечали юбилей Ребиндера на Ученом совете в Институте физической химии АН СССР. Б.В.Дерягин, тогда член корреспондент, позже академик, закончил свою речь обращением в зал: «Пусть все, кому Петр Александрович ни разу не помог в чем-либо, останутся сидеть, а те, кто хоть раз воспользовался его помощью, встанут.» Весь зал встал. А было в зале не меньше 250 человек. К сожалению, доброжелательностью Ребиндера беззастенчиво пользовались люди, которые в последующем его предавали.

За всем, что требовала его страстная натура, успеть было невозможно. Он всегда опаздывал, и это стало притчей во языцех, когда заходил разговор о Ребиндере. Слабость эта многими осуждалась очень резко и вредила ему. Однако, все признавали его научный авторитет. Сейчас, спустя десятки лет после его смерти, влияние этой неординарной личности на развитие коллоидной науки невозможно переоценить. Он питал идеями всех, щедро делился мыслями, не думал, что кто-то у него их

уговаривать, ухаживать за больным, быть сиделкой у собаки – всё, что угодно, в любой роли,

В метро она стоит и не ищет глазами свободное место, как уставшие старые люди, и не дай бог, чтобы кто-нибудь предложил ей сесть – нет, она всё ещё молодая. А я знаю – болит, болит постоянно, терпит, говорит, что привыкла. Входит парень, с большими сумками, полиэтиленовыми пакетами, ставит их на пол, тяжелые. Осматривает порезанную вытянувшимися тонкими ручками пакетов ладонь. Сочится кровь. Она тут же начинает переживать – ему же ехать дальше и снова тащить эти сумки и пакеты голыми руками.

– Вы подложите что-нибудь под ручки, перчатку, платок. Так же нельзя.

– Да у меня ничего нет, что подложить.

Она судорожно ищет у себя в женской сумке что-нибудь подходящее, ничего нет. Правда, она уложила в неё клубнику в двух полиэтиленовых пакетах, чтобы новая сумка не испачкалась. Пакеты! Она решительно высыпает клубнику прямо в сумку, думает, что потом помоет, и передаёт оба пакета парню:

– Возьмите, подложите, Вам будет легче.

Она постоянно возмущается и удивляется бездушию людей. Возмутилась в очередной раз, действительно – никто из сидевших в вагоне ничего не предложил, всем было абсолютно безразлично случившееся с парнем.

В стремлении помочь она может стать яростной, всё сокрушающей.

Её подруге после смерти мужа пришлось оформлять множество документов в нотариальной конторе. Бесконечные обещания и проволочки превратились в откровенное издевательство. Она не выдержала, поехала вместе с подругой в эту контору. Тамошний нотариат, конечно, многое повидал и ко всему был готов, поэтому сидящая за столом напыщенная, в «перстнях» дама попыталась и в данном случае решительно расправиться с настойчивыми клиентами:

– Выйдете отсюда! Я вам сказала, выйдете, не мешайте работать!

К удивлению хозяйки кабинета она не вышла и спокойно потребовала оформить давно лежащие у нотариуса документы в положенный срок, который вопреки многократным обещаниям давно истёк.

– Я вам сказала выйти. Я сейчас милицию позову.

И тут она поняла – пора действовать по известному правилу: справиться с квартирным, да и с уличным или базарным хулиганом, если не привлечь милицию, можно только обращаясь с ним в его же стиле. Помните, как Райкин блистательно помог старой школьной учительнице справиться с квартирным хулиганом – он превратился в ещё большего хулигана. Но то было в театре, как в жизни. А теперь ей предстояло поступить в жизни, как в театре.

Она перестала сдерживаться и выпустила такой заряд сравнений и эпитетов, что воспроизвести их здесь так, чтобы они прозвучали, как

там, невозможно. Самым «нежным» было: «Вы тварь, которой лень поднять свой зад со стула, чтобы выполнить должным образом элементарные обязанности».

В заключение последовало:

– Вы же существуете, чтобы нас обслуживать, благодаря нам существуете. Вызывайте милицию, и не я, а вы выйдете отсюда и после этого больше сюда никогда не войдете. Я работаю на телевидении, надеюсь, вы смотрели программу «Человек и закон», так вот, я приеду к вам с камерой, с сотрудниками, и мы покажем всей стране, как вы здесь работаете.

Она блефовала эмоционально, артистично. Сидящая за столом та, которая в «перстнях», на мгновение оцепенела. Потом, осознав, что в данном случае не она хозяйка положения, уже не нахальным, а примирительным, даже извиняющимся тоном произнесла:

– Но мы же не отказываемся оформить вам документы, они завтра будут готовы.

Уходя, уже в дверях, она, так чтобы было слышно, произнесла:

– Я обязательно привезу к ним команду из телевизионной программы «Человек и закон».

Когда на следующий день подруга пришла за документами, секретарша той самой нотариусихи с «перстнями» её с опаской спросила:

– А ваша сестра тоже пришла?

Подействовало. Документы были готовы.

Замечательный природный артистизм позволял ей благополучно разрешать многие сложные ситуации.

В соседней квартире, за стеной поселилась чрезвычайно шумная компания. Выпивки, песни, громкие разговоры и ссоры ночью стали постоянными, превратились в кошмар. Все знают, какая звукопроницаемость стен в наших домах, и, вероятно, сами испытывали когда-нибудь «удовольствие» слушать житейские «концерты», разыгрывающиеся в соседних квартирах. Жить, затыкая уши, невозможно. Ей приходилось напрягаться и стараться не обращать внимания на громко обсуждавшиеся за стеной происшествия, удачные и неудачные воровские махинации. Некоторое время она терпела в надежде, что это скоро кончится. Но нет, не кончалось, а совсем наоборот. И тогда ...

Однажды, поздним вечером, когда компания разбушевалась в очередной раз, она постучалась к ним в дверь. Дверь открылась, и внешне «восточный» человек с некоторым удивлением, но с подчёркнуто радостной улыбкой отступил назад, как бы приглашая её войти.

– А, как хорошо, заходите, заходите, у нас тут хорошая, весёлая компания. Будем рады.

– Я не в гости к вам пришла, – очень чётко произнесла она. – Вы каждый вечер и до поздней ночи устраиваете в квартире безобразие. Я требую, чтобы это было немедленно прекращено и чтобы вы выехали отсюда, и чтобы духа вашего больше здесь не было.

Он слегка опешил, а она продолжила:

– Я не вызываю милицию, я пока вас только предупреждаю. Мой знакомый с Кавказа, я его специально пригласила, переводил на русский все ваши разговоры. Через эту стенку всё было хорошо слышно. Ещё раз говорю, что пока я вас только предупреждаю, а могу рассказать обо всём начальнику ГУВД Москвы Владимиру Иосифовичу Панкратову. Знаете такого?

– Да, я его тоже знаю, да, я с ним знаком.

– Вот и хорошо. Я работаю на Динамо и с ним часто встречаюсь. Если вы не поймете меня, то мы с вами в следующий раз встретимся у него в кабинете и там поговорим. Но разговор будет уже совсем другим.

Стало тихо. Последующие вечера также стали тихими. Все шумные мужчины и женщины, заселявшие эту квартиру, исчезли, их, словно сдуло, и больше они уже здесь не появлялись.

Так решительно и, в общем-то, рискованно ей удалось справиться с этой весьма неприятной ситуацией.

Её признавали своей в артистическом свете. Была знакома со многими теперь хорошо известными артистами, не называю их имена, работала с ними, а иным помогала найти себя и утвердиться в жизни. Поэтому с полным правом могла и судила о них не по официальным рекламным восторгам, а по их истинным, часто малопривлекательным человеческим качествам и, увы, ограниченному профессионализму.

По образованию она историк, но раскрылась в жизни как глубокий, хорошо разбирающийся в людях психолог. В этом, несомненно, состояло её истинное призвание, в этом проявилось и засверкало её природное дарование. Студенты, слушавшие её курс «Культура и психология общения», боготворили её, ходили за ней стайками.

Она замечательно пела. Помню, как, варьируя темпом, паузами, глубоким мягким пьяно, она исполняла в сопровождении гитариста хорошо известные всем романсы. Они звучали совсем по-новому, брали за душу, возникал необыкновенный аромат льющихся звуков, слов и самой исполнительницы. Я как-то заметил, что она могла бы найти себя в театре, стать актрисой. Она возразила: «Нет, театр – не моё, моё – это эстрада».

Она предложила обмениваться книгами, ей было интересно обсуждать прочитанное. Достав из шкафа томик Моруа с литературно-художественными портретами великих французов: Гюго, Стендаля, Бальзака (я её ранее не читал), она сказала, что «Олимпио» её любимая книга. Потом добавила, что убила бы Гюго за его отношение к Жюльете. Чтение этой книги стало для меня открытием титанической личности Гюго не только как великого поэта, но и как властителя дум, мыслителя, чьи идеи оказались востребованными следующими поколениями. А убивать Гюго за Жюльетту (Джюльетту?) я бы не стал, но я – мужчина, а она – женщина.

На меня произвело впечатление её глубокое, сравнительно с моим, восприятие и понимание замысла Улицкой в романе «Казус

Кукоцкого». Я вспомнил Сократа и подумал – скажи мне, что ты читаешь, и я скажу тебе, кто ты. Она открывалась для меня интереснейшей личностью.

А вот ещё несколько эпизодов, в которых проявился её характер, находчивость, быстрота ума.

После работы, концертов, телевизионных программ часто приходилось возвращаться домой в глухую ночную пору, ловить такси, соглашаться с предложениями любезных попутчиков её проводить. Была поздняя осень, холодно, и она предложила проводившему её мужчине зайти согреться, а уже в квартире – горячий кофе. Посидели немного, разговорились, нашлось много интересных для обоих тем. Неожиданно он позволил себе фамильярный тон и перешел на ты, что вызвало с её стороны мгновенную реакцию:

– Вы имели бы право говорить мне ты, только, если бы мы пили с вами кофе, и сейчас было бы утро. А теперь мне пора отдыхать. Спасибо, что проводили.

Она встала, открыла дверь и сказала:

– Всего вам хорошего, ещё раз большое спасибо, так поздно мне не хотелось идти одной.

Он всё понял и ретировался.

Рисковая, но абсолютно уверенная в себе женщина, говорила, что интуитивно всегда хорошо чувствовала с кем и когда можно не опасаться эксцессов. А если возникала сомнительная или опасная, на грани, ситуация, всегда находила благополучный выход.

В очередной раз возвращаясь поздно домой, она заметила, что за ней по пятам идет подозрительный тип. Она повернула налево и он за ней. Проходила мимо телефонной будки с автоматом, и её осенило. Зашла, закрыла дверь, покрутила диск, обозначив набор номера, и начала громкий разговор:

– Саша! Это я, уже иду. Спускайся вниз, захвати Джима. Ты, вероятно, его ещё не выгуливал. Нет, нет, ты не беспокойся, меня тут провожает один человек, хочет встретиться с тобой и с нашей овчаркой.

Всё это время увязавшийся за ней субъект стоял у разбитого стекла будки и ждал, когда она выйдет. Однако, услышав разговор, он злобно произнес: «Сука!» и поспешил уйти.

Один из её постоянных поклонников, которому она слегка симпатизировала, слишком задержался у неё дома и стал проявлять явную несдержанность в словах, жестах, одним словом, ... понятно. Она нашлась быстро и неожиданно даже для себя спросила:

– Почему вы носите черные усы? – У молодого человека не было никаких усов, – Они вам не идут, и я вообще не люблю черные усы.

Он опешил и подошел к зеркалу. Не обнаружив на своём лице усов, всё понял. Ситуация разъяснилась, они распрощались.

Жаль, что мне не довелось встретиться с ней лет 30 назад, я бы посоревновался с её многочисленными поклонниками. Кто знает, может быть, и не без успеха. Но это так, романтические грёзы.

Несколько раз она была замужем, каждый раз за достойными мужчинами, красавцами из красавцев. Окончила Историко-архивный институт и попала в министерство заведовать архивом. Погибала от скуки. Её душа, темперамент требовали неистовства жизни, и она решилась, отказалась от высокого заработка, от уже практически выделенной квартиры (а в советское время квартира – это ой-ёй-ёй, получить её было, ой, как непросто) и ушла, бросилась в свою удачу: в художественную самодеятельность, в эстраду, в театр, в телевидение. Всё в её жизни забурлило и засверкало. Она наслаждалась жизнью и своей особенной, живой красотой. Концерты, рестораны, встречи, поездки, выступления. Бывал восторг и от участия в рискованных мероприятиях. Одна из поездок на заднем сиденье мотоцикла, который её молодой поклонник гнал, демонстрируя своё удальство, окончилась печально: они на земле, мотоцикл на них. Последствия удара и повреждения позвоночника она чувствует до сих пор. Постоянно болит – это ещё оттуда. Оттуда много и других хворей. Лечится, а болит не меньше. И всё это усугубляется неверием официальной медицине. В чём-то она, конечно, права, но главное – в её безоглядной вере в, так называемый, народный опыт: в опыт целителей, знакомых, страдающих от аналогичных недугов, в книжки бойких на слова авторов, объявляющих себя профессорами и медицинскими светилами. Она хватается за обещания вылечить, избавить её от страданий, платит за эти обещания ещё и ещё, и болеет по-прежнему, а то и больше. Избавить её от исключительной импульсивности, постоянно ввергающей её во множество неприятностей, вряд ли возможно. Раньше это ей не мешало, она подчиняла себе ситуацию. Теперь – ситуация подчиняет её.

Чтобы радоваться жизни, надо наступить на самую себя. Не может.

Молодость, красота, ум – что ещё нужно, чтобы женщина смогла быть счастливой в жизни! Удача? Так и удача была тоже. Она и сейчас почти семидесятилетняя не потеряла остроту ума, она и сейчас хороша. Но считает, что не так, не согласна быть не молодой.

Мужчины (и не только) до сих пор заглядываются на неё, а иные говорят комплименты, желают познакомиться. Мы гуляем. Молодая женщина, с коляской и малышом, неожиданно останавливается, смотрит на неё и не удерживается от восклицания: «Как вы красивы! Поздравляю Вас и желаю Вам счастья!» Она благодарит, приятно. Мне тоже за неё приятно.

Она поддерживает себя, украшает одежду, обстановку комнаты – всё вокруг. Она не желает смириться с этим новым наступившем миром и теперешней собой в этом мире. Верит во многие чудеса, всерьёз или на всякий случай, не могу судить. Мои научные разъяснения принимает и не принимает и, в сердцах, говорит:

«Совершенно невозможно разговаривать с этими учёными. Всё у них “чушь собачья”».

Все мы, состарившиеся люди, можем быть счастливыми в этом новом для нас мире, полном событиями, интересными современниками, волшебством искусств и чудесами непознанного. Может и она, реализуя присущий ей потенциал доброты в противостоянии хмурости и озлобленности. Жаль, что погружается в телевизионную хандру и перестаёт противостоять постоянно бегущему, изменяющему жизнь времени.

Сколько таких же прекрасных женщин мучают себя, в тщетных попытках вновь обрести оставшуюся где-то далеко-далеко молодость вместо того, чтобы понять, что они – женщины, другие, но по-прежнему прекрасные женщины, которые могут наслаждаться жизнью.

Скульптор Вадим Сидур

Осень 1974 года. Делегация общества Советский Союз – Шотландия прилетела в Лондон.

Я был включен в её состав по рекомендации очень деятельного члена Союза архитекторов, который сделал это из почтения к моей докторской персоне и, как вскоре выяснилось, в расчете на мою протекцию кое-кому в научных кругах. Все делалось заблаговременно, и где-то за месяц до отлета во время беседы в одной из уполномоченных инстанций мне ясно дали понять, что, «скорее всего», я буду исключен из состава делегации. И вдруг, за два дня до отлета меня приглашают в иностранный отдел министерства и сообщают – надо лететь. Решили, что с точки зрения интернационализма один еврей в делегации все же быть должен.

Таможенник в аэропорту Хитроу, сколько-то знавший русский язык, пропуская нас, громко объявил: «Совскот прилетел!» Каков сукин сын, а? Использовал английское Scotland.

Много интересного мы увидели и узнали за две недели в Лондоне, Эдинбурге, Манчестере. Были в гостях у Генри Мура, великого скульптора XX века. Я не искусствовед и не могу профессионально говорить о его великости. Но случилось так, что вскоре по возвращении в Москву мне довелось познакомиться с Вадимом Сидуром. Сопоставление творчества

этих двух выдающихся людей сделалось для меня чем-то вроде навязчивой идеи. С ней и связано это воспоминание.

Пространство, на котором искал вдохновение и материализовал созревшие замыслы Мур, было для нас «совскотских» людей весьма внушительным. Вилла гектаров 10, а может и 1000, сразу глазом не окинешь, естественно, собственный дом с мастерской, павильоны, разбросанные не близко друг к другу, где работали помощники мэтра, скульптуры то тут, то там, разные, человеческие и какие-то еще.

Г. Мур у себя в мастерской

А дальше ... поле с овцами –любимицами хозяина и уже на горизонте лес, продолжение или граница владений, мы не спрашивали, глядели.

Пространством, в котором творил Сидур, был большой подвал в начале Комсомольского проспекта. Подвал!

Подвал с трубами, по которым подавалась жизненная благодать на восемь этажей дома, увы, иногда извергавшаяся вниз, и полагающимися такому пространству освещением, шумом, воздухом и прочим. Был уголок – небольшая комната с круглым столом, – где он принимал гостей, и, конечно, туалет – все удобства для жизни и творчества. Подвал был заполнен тем, что сотворили руки Сидура за десятилетия. Всё было здесь, проходить между этим всем требовалось с осторожностью.

Инопланетный гуманоид

О рабочем и жизненном пространстве обоих можно было бы и не говорить, но мне казалось, что окружающая этих художников обстановка не только отражала в определенной мере их мировосприятие и отношение к творчеству, но и вносила свой вклад в него.

Фигуры, установленные Муром на зеленых лужайках среди деревьев и кустов, были для нас, совков того времени, необычны: полулежащая на спине женщина, опершаяся локтями о землю, ничего, кроме неопределенного ожидания, не выражающая, конструкция из скрещенных полумесяцев или луков, трудно сказать, с концами, стянутыми у одного из них каменной тетевой, колонна с вырезанными на ней очень хитро извитыми выступами, напоминающими ритуальные рельефные изображения древних майя, деформированные до овальности кубы и ромбы и т. п. Внутри павильонов то же. Например, очень интересная

инопланетная гуманоидная фигура с нежно завивающимися вверх лентами-руками, увенчанная, не подберу слова, чем-то похожим на голову, из которой торчат высоко выставленныедва глаза, точно как у виноградной улитки, когда она ползет.

Фантазия и изобретательность Мура поразительны, здорово. Ассоциации, по форме, возникают самые разнообразные и неожиданные, именно по форме, не по содержанию, содержания как бы и нет.

– Фи! – очень может быть «Фи!» – скажет знающий Мура искусствовед – Автор ничего не понял.

Возможно, но так я все это воспринимал, так чувствовал, так это и вспоминается. Особенно этому способствовали объяснения Мура в мастерской, которая была заполнена «мусором», всячиной: камешками, корешками, ракушками, костями и другими предметами, не имеющими никакого названия. «Мусор» собирал сам Мур. В форме и сочетании этих предметов он искал

Овцы

воплощение зрешего внутри него того, что даст ему удовлетворение в поиске, удовлетворение человеку, живущему и ищущему себя в XX веке.

А вот, скульптуры, назову их каменными парами, произвели на меня другое впечатление. Их не очень много и поначалу они не впечатляют. Однако потом наступает, решаюсь сказать, прозрение. Камни общаются, вопрошают, сообщают друг другу что-то. Некоторые изваяны так, что можно угадать чуть ли не говорящую голову с «выражением лица». Иногда главным выступает поза. У переднего края поля вас встречают два округленных ваятелем валуна, установленных и обработанных так искусно, что сразу возникают ассоциации с любимицами хозяина – овцами, пасущимися вдали.

Да, признаюсь, я не сразу прозрел. В этих камнях главное, сделанное Муром. Они в отличие от «украшений», раздариваемых людям фантазиям иных художников, содержат идею, идею творения – дух жизни всюду в природе. Мур видит и свидетельствует наличие души даже в камне. Впрочем, может быть, это я ему приписываю? Но, если такое можно ему приписать, значит, оно все-таки в созданных им камнях есть.

Сидур творил в своей вилле – Подвале. Здесь он месил и мял глину, пилил и гнул металл, резал дерево, стучал молотком, яростно соединял и разъединял несоединяемое.

В. Сидур.

Здесь также было много дряни: старые шляпы, резиновые перчатки, лопаты, канализационные трубы, куски жести, сетки, велосипедные цепи, доски, корыта и т. п. и т. д. Он тоже комбинировал, искал свое, используя подходящий хлам.

Иногда возникала шутка. Но, как правило, возникала комбинация, мимо которой невозможно было пройти, она заставляла думать, переживать, поражаться неожиданно проникшему в ваше сознание её внутреннему содержанию.

Перед вами «Голова юной девушки» – чуть сплюснутое, но абсолютно правильное, гладкое и блестящее широкое алюминиевое кольцо, закрепившееся на усеченной пирамиде – шее красавицы. Что это?

Совершенство юности или её пустота, пока еще незаполненность, или их неперменное сочетание? Думайте всё, что подходит, что увидится.

Голова девушки

украдет, а такое бывало. Научная щедрость была ему свойственна, можно считать, что она была его потребностью. Под его влиянием возникли научные школы коллоидников на Украине, в Узбекистане, в Казахстане, Белоруссии. Мировое сообщество коллоидников признавало его лидерство. На конгрессе по ПАВ в Испании в 1968 году Ребиндеру в знак признания его вклада в развитие науки предоставили право прочитать основополагающий доклад. По регламенту на доклад отводилось 45 минут, он говорил полтора часа. Блистательный по форме доклад был настолько глубоким и содержательным, что председательствующий даже не пытался прервать Ребиндера.

Валерия Сергеевна Степанова

Она, наверняка, много раз слышала: замечательная, удивительная женщина! И всё же это не то. Женщина – это да, верно. Но какая? Женщина, в которой весь женский мир и ещё присущее только ей, особенной.

Она излучала энергию, которую черпала непонятно откуда, говорила – оттуда, из космоса. Я не возражал, понимал, что в ней встретил особый, женский косм. Мы стали друзьями.

Мне нравится для своих друзей и близких придумывать необычные имена. Это пошло ещё с молодости, когда была жива Валя и мы стали называть друг друга Ва и Же, а наших мальчишек Деем и Сегой.

Я звал её Вал-Сэр, так получилось. Она нуждалась в минеральной воде. Провидению было угодно, чтобы самой чистой минеральной водой, находившейся в продаже, оказалась вода ValSer, что удивительным образом совпадало с первыми буквами её имени и отчества. Увидав эту воду в магазине, я сразу понял, как могу называть своего нового друга

Красота, острый ум, характер, твердый и решительный, поиск истины и сомнения, верность и требовательность к друзьям, неожиданность, а иногда и лукавство, ранимость души, неподкупность и щедрость – всё вместе, такой букет.

Она не терпит фальши даже в малом, но, конечно, не преминет пообсуждать дела и поступки своих товарок и соседей, она же женщина. Прошу прощения за этот мужской упрёк в адрес прекрасного пола. Она стремится помочь друзьям, знакомым, случайно встретившимся людям, готова делиться всем, что у неё есть, без корысти, без отдачи. Когда нужно, через усталость, через боль готова ехать на другой конец света, за тридевять земель – советовать,

В.С.Степанова

Отец с сыном

Вы смотрите на бронзовую скульптуру «Отец с сыном», форма которой в чем-то даже сходна по языку с работами Мура. Отец сидит и так твердо опирается ногами о землю, не сдвинешь, и так основательно поддерживает сына превратившимися в широкую плиту руками, что нет сомнений – всё надёжно, этой плиты-опоры можно идти в жизнь.

Вы делаете шаг и останавливаетесь, перед вами на стене голова, лик Христа из жести. Голова окружена лучами, сиянием, но вы испытываете ужас, так как она изуродована, её били и расплющили.

Подумайте – какой образ! Расплющенная голова Христа, расплющенная, уничтоженная

Христос

Вера, бывшая основой совести, добра, надежды. Вы атеист, вы неверующий, но вы не можете не понять потерю людьми духовности, о которой так больно говорит Сидур этим ликом.

Напротив Христа орет во все горло троица с гармонистом в середине. Неважно пьяны они или нет, важно, что у них практически нет лбов, атрофировались. Они не дегенераты, они придавленные работяги во время отдыха.

Это «Праздник», который им разрешался и к которому принуждался оболваниваемый народ. Сидур не мог удержать в себе горечь и негодование от того, что видел.

Праздник

А теперь, «Памятник погибшим от насилия» – память жертвам сталинизма, гитлеризма, всем жертвам, не доисторической, а цивилизационной дикости. Их придавили и опустили на колени, этого мало, их руки заломили за спину, сковали железным обручем и вытянули вверх, и этого мало, им отрубили голову. И все равно образованная скованными руками лира не умолкла, хотя насильники думали, что избавились от её голоса навсегда, и

высоко поднятая шея не позволяла им забыть о содеянном. О чем говорить? Какие тут могут быть споры и сомнения? Именно этот памятник всем жертвам насилия должен как знак покаяния и предостережения стоять в центре Москвы на Лубянской площади, как он стоит в германском городе Касселе.

Самым страшным, оцепеневающим было смотреть на «Железных пророков». Они в моей памяти, по-моему, это я слышал от самого Сидура, остались как «Пророки XX века». Удивительно, что он сумел сотворить сочетанием канализационных труб с другим «мусором» в его Подвале! Перед вами три черных чугунных монстра с жадно растопыренными пальцами на раскинутых руках, несущие опыт века.

Памятник жертвам насилия

Их головы наполнены истинами бытия. Огнедышащий утюг с разверстой зубастой пастью, готовой перемалывать и поглощать, бензиновый бачок с дырками-глазами, испускающий смрад духа, и искореженный цилиндр мотоциклетного двигателя, издающий попмузыкальное сопровождение действию. Они готовы своим канализационным содержимым оплодотворять будущее. Смотришь и узнаешь XX век, и невольно думаешь – не их ли ждал век XXI-й?

Пророки XX века

И, наконец, «Взывающий». Стройная, устремленная вдаль и ввысь фигура, сложенные раструбом руки, через который Миру летит голос автора, призыв остановиться, опомниться – это то, с чем обратился к человечеству Сидур всем своим творчеством.

Взывающий

Оба художника и Генри Мур, и Вадим Сидур принадлежали веку, олицетворяли век. Один ощущал его изломы, пропускал их через себя, и выражал искаженное бытие формой своего творчества. Он хотел понять душу природы и хоть как-то облагородить человека в общении с ней. Другой обличал, протестовал, требовал, заклинал человечество опомниться и понимал и переживал тщету своих усилий.

Оба были великими творцами. Один был выразителем века, его свидетелем. Другой был обличителем века и его пророком.